

Хаос

Источник: [здесь](#)

Дацзыбао онтологического анархизма

ХАОС

Хаос не умирает. Извечная необтесанная глыба, одинокое чудище-идолище, недвижимое и непредсказуемое, непроницаемое, чем любая мифология (словно тени, предшествовавшие Вавилону), первозданное недифференцированное единство бытия по-прежнему безмятежно мерцает, подобно знаменам ассасинов, рассредоточенных и всегда одурманенных.

Хаос предшествует всем принципам порядка и энтропии, он не бог и не личинка, его идиотические порывы вмещают и определяют любую возможную хореографию, все лишённые смысла эфиры и флогистоны; его маски — как облака: кристаллизация его собственной безликости. Все в природе абсолютно реально, включая сознание, беспокоиться совершенно не о чем. Цепи закона не просто разбиты: их никогда не существовало; демоны никогда не охраняли звезд. Империя никогда не зарождалась, Эрос никогда не отращивал бороды.

Нет, слушайте, все было так: вам лгали, вам впаривали понятия о добре и зле, вам внушили недоверие к плоти, стыд за провозвестие хаоса; изобрели слова отвращения для вашей молекулярной любви; вас загипнотизировали небрежением, вогнали в уныние цивилизации и всех ее ростовщических эмоций.

И вот уже нет ни становления, ни революции, ни борьбы, ни пути; вы уже монарх в собственной шкуре, и вашей неприкосновенной свободе недостает лишь любви других монархов — политики грез, назойливой, как синь небес. Чтобы отряхнуть от себя все иллюзорные права и колебания истории, потребна экономика легендарного каменного века: не священники, а шаманы, не лорды, а барды, не полицейские, а охотники, собиратели палеонтологической лени, нежные, как кровь, обнаженные из принципа или раскрашенные, как птицы, вознесенные на волну эксплицитного присутствия, без тиканья часов, без вчера, без завтра.

Взгляды агентов хаоса опаляют все и всех способных свидетельствовать о своем состоянии, о горячем жаре *lux et voluptas*[1]. Я бодрствую лишь в любви и желании на грани ужаса; остальное — лишь зачехленная рухлядь, повседневная анестезия, дерьмо в мозгах, дорептильная скука тоталитарных режимов, полая цензура и бессмысленная боль.

Аватары хаоса ведут себя как преступники, саботажники, шпионы *amour fou*[2]: не герои и не себялюбцы, доверчивые, как дети, с обходительностью варваров, одержимые маниями, безработные, разнузданные, полуволки-полуангелы, зеркала созерцания, с глазами, словно цветы, — пираты всех знаков и значений.

Мы пробираемся по трещинам в стенах огромных монолитов: церковно-государственной школы и фабрики. Отрезанные от своего племени железной ностальгией, мы прокладываем свой путь вслед за утерянными словами, воображаемыми бомбами.

Последний возможный поступок — тот, в котором явлено восприятие как таковое, невидимая золотая нить, связывающая нас: беззаконная пляска в коридорах полицейского участка. Если я поцелую тебя здесь, это примут за террористический акт; так прихватим же пистолеты с собой в постель и разбудим город в полночь, словно пьяные бандиты, отмечающие праздник пальбой, посланием вкуса хаоса.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ (ПТ)

Дикие пляски в коридорах круглосуточных компьютерных банков. Всполохи пиротехнических дисплеев. Садовые статуи, земляные сооружения, как странные чуждые артефакты, разбросанные в парках. Взламывайте дома, но не воруйте, а подкидывайте объекты поэтического терроризма. Похитьте кого-нибудь и сделайте его счастливым. Выберите любого прохожего и убедите его, что он получил гигантское бесполезное и невероятное наследство: скажем, 5000 квадратных миль в Антарктике, или старого циркового слона, или сиротский приют в Бомбее, или коллекцию алхимических рукописей. Позже человек этот осознает, что на несколько мгновений уверовал в фантастическое, и, может быть, благодаря этому найдет себе более интересный способ существования.

Прибивайте бронзовые мемориальные доски в местах (публичных или частных), где вас посетило откровение, где прошел ваш лучший сексуальный акт и т. п.

Пройдитесь голым из принципа.

Устройте забастовку в школе или на рабочем месте под предлогом, что оно не удовлетворяет вашей потребности в лени и духовной красоте.

Искусство граффити слегка приукрасило уродливые вагоны метро и унылые официальные памятники; искусство поэтического терроризма тоже можно приспособить для общественных мест: стихи, нацарапанные в сортирах полицейского участка, мелкие фетиши, оброненные в парках и ресторанах, ксерокопии картин, заткнутые за дворники припаркованных автомобилей, крупнобуквенные лозунги, приклеенные к заборам детских

площадок, анонимные письма, посылаемые наугад (почтовое хулиганство), пиратские радиопередачи, мокрый цемент...

Реакция публики или эстетический шок, произведенный поэтическим терроризмом, должен быть по меньшей мере таким же сильным, как чувство ужаса, — мощное отвращение, сексуальное возбуждение, суеверная боязнь, внезапный интуитивный прорыв, дадаистский страх; неважно, направлен ли поэтический терроризм на одного или на многих, неважно, анонимен он или имеет «подпись», — но если он не изменил ничьей жизни (кроме самого художника) — это провал.

Поэтический терроризм — это акт театра жестокости, где нет ни сцены, ни зрительного зала, ни билетов, ни стен. Чтобы быть действенным, поэтический терроризм должен быть категорически отделен от всех традиционных структур, связанных с потреблением искусства (галереи, публикации, средства массовой информации). Даже партизанская ситуационистская тактика уличного театра сейчас, наверное, слишком хорошо известна и предсказуема.

Изысканное совращение не только во имя взаимного удовольствия, но и как сознательный акт в умышленно красивой жизни — вот, может быть, экстремальный поэтический терроризм. Поэтический террорист ведет себя как мошенник, чья конечная цель не деньги, а ПЕРЕМЕНА. Не обращайтесь поэтический терроризм на других художников, обращайтесь его на тех, кто не понимает (по крайней мере, не сразу понимает), что то, что вы делаете, это искусство. Избегайте узнаваемых категорий искусства, избегайте политики, не влезайте в споры, не будьте сентиментальны: будьте безжалостны, рискуйте, подвергайте вандализму лишь то, что достойно поругания, делайте вещи, которые дети будут помнить до конца жизни — но не действуйте впопыхах, пока вас не посетила муза поэтического терроризма.

Рядитесь в маскарадные одежды. Называйтесь фальшивыми именами. Станьте легендой. Лучший поэтический терроризм противозаконен, но не давайте себя поймать. Искусство как преступление; преступление как искусство.

AMOUR FOU (AF)

Amour fou — не социал-демократия, не парламент двоих. Мгновения ее тайных встреч исполнены смыслов слишком грандиозных, но слишком прозрачных для прозы. Не это, не то — ее Книга эмблем дрожит в твоей руке.

Ясное дело, ей начхать на школьных учителей и полицию, но она так же издевается и над либертарианцами, и над идеологами: это не место, где чисто и светло. Шарлатан-трополог проложил ее коридоры и заброшенные парки, декорировал ее тайные засады блестящим черным и маниакальным красным.

У каждого из нас половина карты — словно два ренессансных княжества, мы создаем новую культуру нашим подвергаемым анафеме слиянием тел, смешением гуморов — воображаемые швы нашего города-государства проступают сквозь наш пот.

Онтологический анархизм так и не вернулся со своей последней рыбалки. Пока никто не стучит в ФБР, ХАОС плевать хотел на будущие цивилизации. Amour fou рождается лишь по недоразумению: ее первостепенная цель — поглотить галактику. Заговор трансмутации.

Все, что ее заботит в отношении Семьи — это возможность инцеста («Расти своих! Каждый — фараон!») — о искренний читатель, мой ближний, мой брат/ сестра! — и в детской мастурбации она обнаруживает (как таблетку в японском бумажном цветке) образ крушения государства.

Слова принадлежат тому, кто их произносит, лишь до того момента, как кто-то их украдет. Сюрреалисты опозорили себя, продав Amour fou призрачной машине абстракции — в своем бессознательном они искали лишь власти над другими и в этом были последователями де Сада, который желал дать «свободу» лишь взрослым белым мужчинам — потрошить женщин и детей.

Amour fou сыта собственной эстетикой, она до краев наполняет сама себя траекторией собственных жестов, она живет по ангельским часам, она не годится в жизненные пути комиссаров и лавочников. Ее «эго» испаряется в изменчивости желания, ее общественный дух вянет в эгоизме одержимости.

Amour fou требует неординарной сексуальности, равно как колдовство требует неординарного сознания. Англосаксонский постпротестантский мир направляет всю свою подавленную чувственность в рекламу и разбивается на враждующие толпы: истерические ханжи против промискуитетных клонов и бывших экс-одиночек. АФ не желает вступить в чью-либо армию, она не принимает участия в войне полов, ей скучно от равных прав при приеме на работу (собственно, она вообще отказывается работать ради пропитания), она не жалуется, не объясняет, никогда не голосует и никогда не платит налогов.

АФ желает, чтобы каждый незаконнорожденный («дитя любви») был доношен и рожден; АФ живет антиэнтропическими приемами — АФ любит, когда к ней пристают дети — АФ лучше молитвы, лучше марихуаны — АФ берет с собой собственные пальмы и луну, куда бы она ни отправлялась. АФ обожает тропикализм, брейкданс, саботаж, Лейли и Меджуна, запах пороха и спермы.

АФ всегда незаконна, в какие бы одежды ни рядилась — законного брака или отряда бойскаутов; всегда пьяна — то ли вином собственных выделений, то ли дымом собственных полиморфных добродетелей. Это не помрачение чувств, а скорее их апофеоз; не итог свободы, а скорее ее предварительное условие. Lux et voluptas.

ДИКИЕ ДЕТИ

Бездонная лунная дорожка — полночь, середина мая в некоем государстве, название которого начинается на «Я», столь двухмерном, что едва ли можно говорить о его географии; лучи так настойчивы и осязаемы, что приходится задерживать шторы, чтобы начать думать словами. Нет и речи о том, чтобы *написать* Диким детям. Они мыслят

образами: проза для них — это код, еще не до конца переваренный и окостеневший, так же как для нас — не вполне достойный доверия.

Можно написать о них, так чтобы другие, потерявшие серебряную цепочку, могли последовать за ними. Или писать для них, превратив ПОВЕСТВОВАНИЕ и эмблему в процесс совращения в ваши собственные палеолитические воспоминания, в варварский соблазн свободы (хаоса как его понимает ХАОС).

Для этой породы не от мира сего, или третьего пола — *enfants sauvages*, — фантазия и воображение по-прежнему нераздельны. Необузданная ИГРА: одновременно источник нашего искусства и самого поразительного эроса всего рода человеческого.

Объять беспорядок одновременно как исток стиля и как кладезь страсти, основу нашей чуждой и оккультной цивилизации, нашей заговорщической эстетики, нашего лунатического шпионажа — на это способен (не будем этого отрицать) либо художник, либо десяти-тринадцатилетний ребенок.

Дети, чьи проясненные чувства предают их, уводя в блистательное колдовство прекрасного наслаждения, отражают нечто дикое и бесстыдное в природе самой действительности: онтологические анархисты от природы, ангелы хаоса — их жесты и телесные запахи свидетельствуют о джунглях существования вокруг них, это целый лес предсознания, полный змей, оружия ниндзя, черепах, футуристического шаманства, невероятного беспорядка, писанья, призраков, солнечного света, онанизма, птичьих гнезд и яиц — ликующая агрессия против взрослых Нижнего мира, столь бессильных вместить и разрушительные эпифании, и созидания в форме мелких выходов, хрупких, но достаточно острых, чтобы резать лунный свет.

И все же обитатели этих нижних сточных вод всерьез верят, что могут править судьбами Диких детей — здесь, внизу эта порочная убежденность действительно формирует большую часть вещества случайности.

Единственные, кто в самом деле желает разделить озорную судьбу этих дикарей-беглецов, или младших партизан, а не диктовать ее, единственные, кто способен понять, что беречь и отпускать на свободу — это одно и то же, — это в основном художники, анархисты, извращенцы, еретики, те, кто существует отдельно (друг от друга так же, как и от остального мира) или способны встречаться лишь так, как дикие дети, вперяясь друг в друга долгими взглядами за обеденным столом, в то время как взрослые кривляются под своими масками.

Слишком юные для своих харлеев-вертолетов — отщепенцы, брейк-дансеры, едва достигшие половой зрелости поэты плоских затерянных станций — миллионы искр, летящих от ракет Рембó и Маугли — тощие террористы, чьи аляповатые бомбы спрессованы из полиморфной любви и драгоценных нитей массовой культуры — панки-стрелки, мечтающие проколоть себе уши, анимисты-велосипедисты, скользящие в свинцовых сумерках по улицам пособия по безработице, где растут случайные цветы, — запоздалые цыганята-воришки, улыбчивые, отводящие взгляды похитители тотемов власти, мелких монет и дамасских

клинков — мы чувствуем их всюду — этим мы изъявляем желание обменять продажность наших собственных *lux et gaudium* на совершенство их нежной грязи.

Так что поймите: наша реализация, наше освобождение зависит от *них* — не потому что мы корчим из себя Семью, «скопидомов любви», которая держит заложников ради пошлого будущего, или Государство, которое муштрует нас лишь для того, чтобы мы канули за событийный горизонт нудной «пользы», нет — а потому что мы и они, дикари, отражаемся друг в друге, мы связаны и разграничены той серебряной цепью, которая сияет бледным отсветом чувственности, трансгрессии и визионерства.

ЯЗЫЧЕСТВО

Созвездия, по которым кормчий правит барку души. «Если мусульманин поймет Ислам, он станет идолопоклонником», — Махмуд Шабестари Элеггуа, уродливый привратник с крюком в голове и раковинами-каури вместо глаз, с «Черной Сантерией» и стаканом рома — подобно Ганеше, слогоголовому толстому мальчишке Начала, что объезжает мышь. Орган, который ощущает духовную атрофию чувств. Кто не ощущает бараку, не знает нежности этого мира.

Гермес Поймандр учил оживлять идолов, магия поселения духов в образы — те же, кто не сумел свершить ритуал этот над самими собой, над тканями существ материального мира, получают лишь скорбь, пыль да гниение.

Тело язычника становится Сонмом Ангелов, принимающих этот мир — этот храм — как рай («если рай и существует, то, без сомнений, он здесь!» — написано на воротах сада Мугаль)...

Онтологический анархизм слишком палеолитичен для эсхатологий: все вокруг — реальность, колдовство действует, лесные духи едины с Воображением, а смерть с неприятной неопределенностью — как в «Метаморфозах» Овидия, этом эпосе превращений. Личное мифо-воззрение.

Язычество еще не изобрело законов — одни лишь блага. Ни жречества, ни теологии, ни метафизики, ни морали — один лишь вселенский шаманизм, где не станешь настоящим человеком, не прозрев.

Жратва, деньги, секс, сон, солнце, пляж, марихуана — любовь, истина, мир, свобода и равенство. Красота. Пьяный мальчишка Дионис на пантере — обильный юношеский пот — вот бредет козлопас Пан, покрытый мхом и лишайниками, проваливаясь в землю по щиколотку, будто бы это море, а его шкура покрыта мхом и лишаем — Эрос распадается на дюжину голых пастушков из Айовы, ступни в грязи, бедра в рыске.

Ворон, трикстер с потлача, когда — мальчик, а когда — старуха, птица, укравшая Луну, сосновые иголки на поверхности пруда, мультяшная морда на верхушке тотемного столба, хор среброглазых ворон танцует на заборе — словно Семар, горбатый альбинос-гермафродит из театра теней, покровитель яванской революции.

Йемайа, синезвезда богиня моря, покровительница голубых — словно Тара, серо-голубой аспект Кали, ожерелье из черепов, танцующая на мощном лингаме Шивы, облизывающая муссонные облака своим метровым языком — словно Лоро Кидул, цвета зеленой яшмы, яванская морская богиня, наложившая заклятье неуязвимости на султанов, сливаясь с ними в тантрическом экстазе в волшебных замках и пещерах.

С одной стороны, онтологический анархизм примитивен до невозможности, лишен каких-либо качеств и категорий, прост как сам ХАОС, но с другой — он ошеломляет своей барочностью, как храмы Ебли в Катманду или алхимический трактат — развалившись на диване, поедает рахат-лукум, изрекая еретические фразы, засунув руку в свои широкие штаны.

Борта его корсаров покрыты черным лаком, вьются алые паруса, черные флаги с крылатыми песочными часами. Воображаемое Южно-Китайское море; вдоль побережья, покрытого пальмами, развалины золотых храмов, посвященных неизвестным богам из бестиария, остров за островом, ветер ласкает кожу своим влажным желтым шелком, правим курс по пантеистическим звездам, иерофания на иерофанию, свет к свету, сквозь черное сияние хаоса.

ИСКУССТВО-САБОТАЖ (ИС)

Искусство саботажа стремится быть образцово-назидательным, но в то же время сохранять долю непроницаемости — не пропаганда, а эстетический шок, безобразно прямолинейный, но в то же время под небольшим углом — действие-как-метафора.

Искусство саботажа — темная сторона Поэтического терроризма — созидание-через-разрушение — но он не может служить какой-либо партии, нигилизму, даже самому искусству. Так же, как уничтожение иллюзий пробуждает разум, уничтожение эстетического оскорбления действием услаждает воздух в мире дискурса, в мире Другого. Искусство саботажа служит только сознанию, вниманию, бодрствованию.

ИС выходит за пределы паранойи, за пределы деконструкции: высшая форма критики — физическая атака на негодное искусство — эстетический джихад. Самый легкий намек на качество, и даже на личный вкус, нарушает его чистоту и лишает его силы. ИС никогда не ищет могущества — только *высвобождает* его.

Индивидуальные произведения искусства (даже самые плохие) в большой степени нелепы: ИС стремится разрушить все институты, использующие искусство для замутнения сознания и извлекающие выгоду из заблуждения. Того или иного поэта или художника нельзя винить за отсутствие прозрений — но с вредными идеями можно бороться с помощью порожденных ими артефактов. МУЗАК предназначен для того, чтобы гипнотизировать и контролировать — но его механизм можно разбить.

Публичное сожжение книг — почему фашисты и таможенные чиновники монополизировали это оружие? Книжки о детях, одержимых демонами; список бестселлеров «Нью-Йорк

Таймс»; феминистские трактаты против порнографии; школьные учебники (особенно по обществознанию, граждановедению, здравоохранению); подшивки «Нью-Йорк пост», «Виллидж войс» и прочих газетенок, валяющихся в супермаркетах; некоторые гляцевые обложки фантастических книжек; несколько романов из серии «Арлекин»: праздничная атмосфера, бутылки вина и сигареты с марихуаной, передаваемые по кругу ясным осенним днем.

Швырять деньги на пол в здании биржи — вполне достойный поэтический терроризм, но уничтожение денег — это уже Искусство саботажа[3]. Ворваться в телестудию и в течение нескольких пиратских минут показывать произведения взрывоопасного хаотического искусства — праздник ПТ; но попросту взорвать телебашню — это уже тянет на вполне адекватное Искусство саботажа. Если некоторые галереи и музеи заслуживают того, чтобы им бросили камень-другой в витрину — не в порядке разрушения, а в порядке вразумления — то что вы скажете о БАНКАХ? Галереи превращают красоту в товар, но банки перерабатывают воображение в дерьмо и долги. Разве мир не станет обретать хотя бы толику красоты с каждым банком, повергнутым в дрожь... или разрушенным? Но как? Искусство саботажа не лезет в политику (ведь это так скучно), но банки — совсем другое дело.

Будьте не пикетчиками — но вандалами. Не протестуйте — низвергайте. Когда вам силой навязывают уродство, убогий дизайн и дурацкие траты, станьте луддитом, швырните сапог в механизм, взбунтуйтесь. Разбивайте символы Империи во имя ничто и с гармонией в сердце.

АССАСИНЫ

За мерцанием пустыни, где маячат многоцветные холмы, безволосые, охряно-лиловые, бурокоричневые, на вершине иссушенной синей долины путешественники обнаруживают искусственный оазис, укрепленный замок в сарацинском стиле с садом, укрытым за стенами. Гости Горного Старца, Хасана ибн Саббаха, они карабкаются к замку по выбитым в скале ступеням. Здесь день Воскресения уже пришел и ушел — те, кто внутри, живут вне профанного Времени, ибо держат его в узде — клинками и ядами. За амбразурами крепости, за бойницами башен ученые и федаины просыпаются в узких монолитных кельях. Карты звездного неба, астролябии, перегонные кубы и реторты, кипы раскрытых книг освещает лезвие утреннего света — симитар, выхваченный из ножен.

Любой, кто вступает в мир Имама собственного бытия, становится султаном откровения наоборот, монархом апостасиса и отрицания. В центральной зале, изрубленной лучами и увешанной тканями арабесками, они откидываются на подушки и курят длинные чубуки гашиша, пахнущего опиумом и янтарем.

Для них иерархия бытия сократилась в не имеющую измерений точку реальности — для них цепи закона разбиты — они заканчивают свой пост вином. Для них наружная сторона всего есть его внутренняя сторона, истинное лицо просвечивает сквозь непосредственно данное. Но ворота сада закамуфлированы терроризмом, зеркалами, слухами о смертоубийствах,

trompe l'oeil, легендами.

Гранат, смоква, персиммон, эротическая меланхолия кипарисов, бледные мембраны ширазских роз, заросли мекканского алоэ и бензоина, твердые лезвия оттоманских тюльпанов, ковры, раскинутые словно искусственные сады на настоящих газонах — павильон, разукрашенный мозаикой каллиграмм — ива, поток с водопадом — фонтан с геометрическими кристаллами на дне — метафизические сплетни об одалисках-купальщицах, влажных смуглых чашниках[4], играющих в прятки в зарослях — «вода, зелень, прекрасные лица». К ночи Хасан ибн Саббах, словно цивилизованный волк в тюрбане, раскидывается на парапете над садом и свирепо смотрит в небо, ловя астеризмы ереси в бездумном воздухе пустыни. Верно, в этом мифе некоторым ученикам может быть приказано броситься с укреплений в черноту — но верно и то, что некоторые из них научатся летать как маги.

Эмблема Аламута хранится в мозгу, мандала или магический круг, утраченный историей, но укорененный или отпечатанный в сознании. Старец словно призрак забредает в шатры царей и спальни богословов, одолевая любые запоры и стражей с помощью забытых приемов мусульман и ниндзя, оставляя за собой дурные сны, стилеты на подушках, могущественные подкупы.

Аттар[5] его пропаганды заползает в преступные сны онтологического анархизма, геральдика наших маний демонстрирует мерцающие черные незаконные знамена ассасинов... все они — претенденты на трон воображаемого Египта, оккультный пространственно-световой континуум, пожираемый еще не выдуманными свободами.

ПИРОТЕХНИКА

Изобретение китайцев, которое никогда не использовалось для войны — прелестный пример ПТ — оружие, предназначенное вызывать эстетический шок, но не убивать — китайцы ненавидели войну и надевали траур, когда армии выходили на бой — порох, больше всего подходящий для того, чтобы отпугивать злых демонов, радовать детишек, наполнять воздух отважной пахнувшей риском дымкой.

Кантонские гремучие бомбы класса С, ракеты-бутылки, бабочки, М-80, подсолнухи, «лес весенней порой» — революционная метеорология[6] — прикури свою сигарету от искрящего заряда Хеймаркетской черной бомбы[7] — вообрази, что воздух наполнен ламиями и суккубами, духами-угнетателями, полицейскими-призраками. Позови любого ребенка с тлеющим трутом или кухонной спичкой — шамана-апостола летних пороховых заговоров — сотряси тяжелую ночь щипаными звездами и надутыми звездами, мышьяком и сурьмой, натрием и каломелью, молниями магнезии и пронзительным пикратом поташа.

Языки пламени (печная сажа и селитра), бикфордов шнур и железная начинка — атакуйте свой местный банк или уродскую церковь римскими свечами и пурпурно-золотыми ракетами, импровизированными и анонимными (быть может, лучше всего было бы швырнуть их из окна пикапа)...

Возьмите сетку-рабицу и устройте фирменную иллюминацию на крышах зданий страховых компаний и школ — пусть вспыхнет змея-кундалини или дракон Хаоса, свернувшийся бариево-зелеными кольцами на фоне желтизны оксалата натрия (не наступи на меня!), или совокупающиеся чудовища, выплевывающие сгустки пламени на родовое гнездо баптистов.

Скульптуры-тучи, скульптуры — клубы дыма и флаги = Искусство воздуха. Творения из земли. Фонтаны = Искусство воды. И Фейерверк. Не нужно получать рокфеллеровские гранты и разрешения от полиции на разыгрывание спектаклей перед зрительным залом, состоящим из любителей культуры. Исчезающие зажигательные бомбы сознания, устрашающие мандалы, вспыхивающие над самодовольством ночных пригородов, запредельные зеленые грозовые тучи эмоциональной чумы, подгоняемые оргово-синими ваджра-лучами лазерных feux-d'artifice.

Кометы, взрывающиеся с запахом гашиша и радиоактивного угля — болотные кикиморы и призраки, населяющие общественные парки — фальшивые огни святого Эльма, мерцающие над архитектурой буржуазии — гроздь дамских пальчиков, сыплющихся на пол в здании прокуратуры — саламандры-стихии атакуют популярных реформаторов нравственности.

Пылающий шеллак, молочный сахар, стронций, вар, аравийская камедь, охажки китайских огней — на несколько секунд воздух превращается в озон — режуще-острый — плывущее опаловое облако едкого драконо-фениксового дыма. На миг империя рушится, ее князья и правители бегут в свое стигийское болото, эльфы-огнеметатели шлют им вслед плюмажи серы, которые обжигают поджатые задницы отступающих. Дитя-ассасин, психэ огня, царит в мире — одну короткую ночь, жаркую, словно пёсья звезда.

МИФЫ ХАОСА

“Незримый Хаос (по-те-ктеа) Непреходящий, ничей, Хаос последней тьмы, Нетронутый и неприкосновенный. — Песня маори

Хаос угнездился на небесной горе: огромная птица, словно желтый мешок или алый огненный шар, с шестью ногами и четырьмя крылами — она не имеет лица, но пляшет и поет.

Или: Хаос — черный длинношерстный пес, слепой и глухой, лишенный пяти интуиций.

Хаос-бездна был вначале; следом Гея-Земля, следом Вожделение-Эрос. От этих троих произошли две пары — Эреб и старуха-Ночь, Эфир и Дневной свет. Ни бытие, ни небытие, ни воздух, ни земля и ни пространство:

“Что в движении было? Где? Под чьим покрывалом? Чем были воды, непроницаемые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было Различия между ночью и днем.

“ Без дуновения само собой дышало Единое, И ничего, кроме него, не было.

“ Вначале тьма была сокрыта тьмою, Все это [было] неразличимо, текуче. От великого тапаса зародилось Единое, Покрытое пустотою.

“ И началось [тогда] с желания — оно Было первым семенем мысли.

“ Связку сущего и не-сущего Отыскали, восприемля в сердце, Прозорливые мудрецы.

“ Верь их простерта поперек. Было ли Внизу [что], было ли вверху?

“ Носители семени были, силы были. Вождение — Внизу, усилия — вверху.

“ Кто поистине знает, кто теперь бы поведал, Откуда возникло это мироздание?

— «Ригведа»[8]

Тиамат — Хаос-Океан — медленно извергает из чрева ил и слизь, горизонты, небо и водянистую мудрость. Это ее потомство становится шумным и неуправляемым: она подумывает, не уничтожить ли его.

Но Мардук, вавилонский бог войны, восстает против старой ведьмы и ее чудищ — порождений Хаоса, хтонических тотемов: Червя, Женщины-гиганта, Великого Льва, Безумного Пса, Человека-Скорпиона, Воющей Бури — драконов, идущих во славе, будто боги — и против самой Тиамат, великой морской змеи.

Мардук обвиняет ее в том, что она заставляет сыновей бунтовать против отцов — она любит Тумана и Тучу, начала беспорядка. Мардук первым правил, первым изобрел правительство. В битве он убивает Тиамат и из ее тела формирует упорядоченный материальный мир. Он вдохновитель Вавилонской империи — затем из ошметков и кровавых внутренностей кровосмесителя, сына Тиамат, он создает человеческий род, чтобы он вечно услаждал богов — а еще их первосвященников и помазанников-царей. Отец Зевс и олимпийцы ведут войну против матери Геи и титанов — этих поборников хаоса, древних путей охоты и собирательства, бесцельного бродяжничества, андрогинности и животной свободы. Амон-Ра (сущий) сидит в одиночестве в первобытном Океане-Хаосе НУНА, мастурбируя и создавая прочих богов, — но Хаос проявляет себя и в виде змея Апофиса, которого Ра должен уничтожить (вместе с его славой, его тенью и его магией), чтобы фараоны могли править

без страха — победа, каждый день ритуально воссоздаваемая в царских храмах, чтобы запугать и проклясть врагов государства, космического порядка.

Хаос — Хунь Дун, властитель Срединного царства. Однажды Южное море, император Шу, и Северное море, император Ху (шу ху = молния), явились навестить Хунь Дуна, который всегда относился к ним хорошо. Желая отплатить ему за доброту, они сказали: «У каждого существа есть семь отверстий, чтобы видеть, слышать, есть, испражняться и т. д., а у бедного старого Хунь Дуна нет! Давай просверлим их ему!». Так они и сделали — сверлили по отверстию в день, пока на седьмой день Хаос не умер.

Но... Хаос — это к тому же огромное куриное яйцо. В нем родился Паньгу и растет 18 тысяч лет — наконец яйцо раскалывается, распадается на небо и землю, янь и инь. А Паньгу вырастает в столп, который держит всю вселенную — точнее, он становится вселенной (дыхание — ветер, глаза — солнце и луна, кровь и гуморы — реки и моря, волосы и ресницы — звезды и планеты, сперма — жемчуг, костный мозг — нефрит, блохи на нем — люди и т. д.).

Или же становится человеком-чудовищем — Желтым Императором, или же становится он Лао-цзы, пророком Дао. Собственно, бедный старый Хунь Дун и есть Дао собственной персоной.

«Музыка природы не существует вне вещей. Различные отверстия, трубы, флейты, все живые существа, вместе взятые, составляют природу. "Я" не может произвести вещи, а вещи не могут произвести "Я", которое существует само по себе. Вещи — то, чем они являются спонтанно, они не имеют причины вне себя самих. Все в мире естественно и не знает, почему это так. 10 тысяч вещей имеют 10 тысяч различных состояний, и все находятся в движении, как будто есть истинный повелитель, движущий их, — но если мы начнем искать доказательства существования этого повелителя, мы их не найдем» (Куо Сиань).

Любое реализованное сознание есть «император», чья форма правления сама по себе состоит в том, чтобы ничем не нарушить естественность природы, Дао. «Мудрец» — это не сам Хаос, но скорее верное дитя Хаоса, одна из блох Паньгу, кусочек плоти чудовищного сына Тиамат. «Небо и земля, — говорит Чжуан-цзы, — родились в тот же миг, что и я, и 10 тысяч вещей едины со мной». Онтологический анархизм не склонен соглашаться лишь с тотальным квиетизмом даосов. В нашем мире Хаос низвергнут младшими богами, моралистами, фаллократами, банкирами-жрецами, готовыми повелителями слуг. Если бунт окажется невозможным, в крайнем случае можно начать тайный духовный джихад. Так вперед же, за боевыми знаменами анархистского черного дракона, Тиамат, Хунь Дуна.

Хаос никогда не умирал.

ПОРНОГРАФИЯ

В Персии я увидел, что стихи должны сопровождаться музыкой и их нужно петь или декламировать — по одной только причине — потому что это *работает*.

Правильное сочетание образа и звука приводит слушателей в состояние «хал» (нечто среднее между эмоциональным/эстетическим настроением и трансом или состоянием сверхсознания), заставляет их заходиться в плаче и танцевать — то есть демонстрировать соразмерную физическую реакцию на искусство. Для нас же связь между телом и поэзией потеряна еще в эпоху бардов — читая, мы дышим газом картезианской анестезии. На севере Индии даже немзыкальная декламация провоцирует слушателей на шум и движение, каждая удачная строчка вызывает овацию «Ва! Ва!» и изящные аплодисменты. Зрители кидают монеты... Мы же слушаем поэзию, как это делал бы научно-фантастический разум в кувшине — в лучшем случае, отвечая сдержанным смешком или гримасой, рудиментами деятельности ротового отверстия, в то время как остальное наше тело находится где-то на далекой планете.

На Востоке поэтов порой швыряют в темницу — это своего рода похвала, поскольку подразумевается, что автор совершил нечто столь же реальное, как воровство, изнасилование или революция. У нас же поэты могут публиковать все, что заблагорассудится — и это своего рода наказание, тюрьма без стен, без эхо, без осязаемого существования — туманные юдоли печати или абстрактной мысли — мир без риска и эроса.

Итак, поэзия вновь мертва — и даже если мумия ее сохраняет некоторые исцеляющие способности, самовоскрешение не из их числа.

Если правители откажутся считать стихи преступлениями, тогда кому-то придется совершать преступления, которые будут выполнять роль стихов или текстов, обладая при этом характерным для терроризма резонансом. Любой ценой восстановить связь поэзии и тела. Преступления не против тела, а против Идей (и Идей-в-Вещах), мертвых и удушливых. Не тупой либертинаж, но образцовые преступления, эстетические преступления, преступления во имя любви. В Англии некоторые порнографические книги до сих пор запрещены. Порнография оказывает соразмерный физиологический эффект на читателей. Подобно пропаганде она порой изменяет жизнь, поскольку демонстрирует настоящие желания.

Наша культура основывает большую часть производимого ею порно на ненависти к телу — но эротическое искусство как таковое представляет собой неплохое средство для развития бытия/осознания/счастья — подобно некоторым восточным произведениям. Нечто вроде западного тантрического порно могло бы помочь гальванизировать тело, заставить его сиять преступным блеском.

В Америке есть свобода слова — все слова там признаны равно выдохшимися. Во внимание принимаются только образы — цензоры любят снимки смерти/травм, но застывают в ужасе при виде мастурбирующего ребенка — видимо они расценивают это, как посягательство на их экзистенциальную узаконенность, на их идентификацию с Империей и ее тончайшими жестами.

Нет никакого сомнения в том, что даже самое поэтичное порно не заставит безликий труп танцевать и петь (как это делает китайская Птица-Хаос) — но... представим сценарий трехминутного фильма, снятого на сказочном острове сбежавших детей, живущих в развалинах древних крепостей или строящих тотемные хижины и шалаши из подручного хлама — смесь анимации, комбинированных съемок, компьютерной графики и цветной пленки — смонтированной профессионально, как реклама фаст-фуда.

...но обнаженные и странные, перья и кости, палатки, прошитые кристальной нитью, черные псы, пятна голубиной крови на янтарных ветках, перепутанных буреломом — лица в звездчатых масках, целующие нежные складки кожи — пираты-андрогины, лица отверженных коломбин, спящих на цветах, белых, как кожа их бедер, отвратительные и веселые шутки с мочой, ручные ящерицы, лакающие пролитое молоко — обнаженный брейк-данс — викторианская ванна с резиновыми утками и розовыми членами — укуренная Алиса...

...атональный панк-реггей, аранжированный под гамелан, синтезатор, саксофоны и ударные — детский хор, поющий гимны для электрического буги — поэзия онтологического анархизма, помесь Хафиза и Панчо Вильи, Ли Тай Бо и Бакунина, Кабира и Тцары — и назовем это «ХАОС — Рок-Видео!»

Но... Это всего лишь мечты... Слишком дорого, чтобы снять, и, кроме того, кто станет это смотреть? Явно не дети, которых это должно развратить. Пиратское телевидение — бесполезная фантазия, рок — всего лишь еще один товар — так забудем же об изящном искусстве. Устелем же детскую площадку неподвластными огню пошлыми фельетонами — порнопропаганда, безбашенный самиздат ради освобождения Желания из оков.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Справедливость невозможно достичь никакими законами — действие в согласии со спонтанной природой, действие поистине справедливое не определяется никакими догмами. Преступления, которые я защищаю в этих заметках, не могут быть совершены против себя или других — а лишь против разъедающей кристаллизации идей в ядовитые структуры тронов и власти.

То есть не преступления против природы или человечества, но преступления, совершенные во имя правосудия. Рано или поздно раскрытие и обнажение себя и природы превращает человека в разбойника — как если бы он вышел в другой мир, а потом вернулся и обнаружил, что его объявили изменником, еретиком, изгнанником. Закон только и ждет, чтоб ты споткнулся на образе жизни, почувствовал себя душой, отличающейся от прошедшего проверку санитарной инспекции стандартного куска мертвой плоти с фиолетовой печатью — и как только ты начинаешь действовать в гармонии с природой, Закон надевает на тебя гарроту и душит — так что не надо играть в блаженного либерального мученика «среднего класса»: смирись с фактом, что ты преступник и действуй соответственно.

Парадокс: объять хаос не значит скользить по направлению к энтропии, наоборот, это вспышка энергии, словно у звезд, мгновенное озарение благодатью, спонтанный органичный порядок, не имеющий совершенно ничего общего с разлагающимися мертвыми пирамидами из султанов, муфтиев, кади и ухмыляющихся палачей. Вслед за Хаосом приходит Эрос — принцип порядка, заключенный в небытии непознанной самости. Любовь — это структура, система, единственный код, не запятнанный рабством и наркотическим сном. Мы должны стать мошенниками и бандитами, чтобы уберечь ее духовную красоту под покровом тайны, в скрытом саду шпионажа.

Не довольствуйся простым выживанием, пока кто-нибудь не устроит революцию, чтобы прочистить тебе мозги, не записывайся в армии анорексии или булимии — действуй так, словно ты уже свободен, подсчитай остаток, выйди вперед, вспомни Code Duello[9]: кури трубку/ешь курицу/пей чай. У каждого своя лоза и своя смоковница (Круг седьмой Корана, Благородный Дрю Али), с гордостью носи свой паспорт мавра, не попадай под перекрестный огонь, прикрывай спину, но рискуй, танцуй, пока не заизвестковался.

Естественная социальная модель онтологического анархизма — это банда подростков или шайка грабителей банка. Деньги — это ложь: наше приключение должно быть возможным и без них — потратим зелень, пока она вновь не обратилась в пыль. Сегодня день воскресения — деньги, потраченные на красоту, пройдут алхимическую трансмутацию и превратятся в эликсир. Как говорил мой дядюшка Мелвин, краденый арбуз слаще. Мир уже создан заново по велению сердца — но цивилизации принадлежат все арендные договора и все пушки. Наши дикарские ангелы требуют, чтобы мы вошли в чужие владения, потому что проявляют себя только на запретной территории. Человек с Большой Дороги. Йога скрытности, молниеносный рейд, наслаждение сокровищем.

КОЛДОВСТВО

Вселенная хочет играть. Те, кто отказываются от игры из соображений сухой духовной скупости и предпочитают чистое созерцание, лишаются собственной человечности — те, кто отказываются из-за оупляющего страдания, те, кто колеблются, теряют свой шанс в мире божественного — те, кто лепят себе безглазые маски из идей и мечтают в поисках подтверждений тому, что они твердо стоят на ногах, кончают тем, что смотрят на мир глазами мертвецов.

Колдовство: систематическое культивирование усиленного сознания или неординарного знания, и распространение на мир деяний и предметов с целью достигнуть желаемого результата.

Открытие внутренних каналов восприятия постепенно изгоняет фальшивые «я», наши какофонические призраки — «черная магия» вендетты и зависти отстреливается, потому что Желание не терпит насилия. Там, где наше знание о красоте приходит в гармонию с *ludus naturae*, начинается колдовство.

Нет, не сгибание ложек и не гороскопы, не «Золотая заря» и не поддельный шаманизм, астральная проекция сатанинской мессы — если вам требуется мумбо-юмбо, займитесь реальными вещами: банковским бизнесом, политикой, общественными науками, а не этой дохлой чепухой в духе Блаватской.

Колдовство занимается тем, что создает вокруг себя вселенную, не выразимую обычным путем: метаморфоза повседневности в ангельские сферы. Для этого требуется манипуляция символами (они ведь тоже предметы) и людьми (они ведь тоже символы): архетипы представляют собой словарь, необходимый для этого процесса, и поэтому воспринимаются одновременно как реальность и как нереальность — как слова, йога воображения.

Колдун — простой реалист: мир реален — но тогда и сознание должно быть реальным — ведь его плоды так осязаемы. Зануде даже вино кажется безвкусным, а колдун может опьянеть и от одного вида воды. Мир опьянения определяется качеством восприятия — но чтобы сохранить его и распространить на *других*, необходим определенный род деятельности — колдовство. Колдовство не нарушает законов природы, потому что Природного Закона не существует: есть лишь спонтанность *natura naturans*, Дао. Колдовство нарушает законы, которые стремятся поработить этот поток, — попы, цари, иерофанты, мистики, ученые и лавочники всех сортов — *враги* колдуна, ибо он угрожает их фарсовой власти, цепкой прочностью их иллюзорной сети. Стихотворение может действовать как заклятие и наоборот — но колдовство отказывается служить метафорой обычной литературе — оно настаивает на том, что символ должен влечь за собой события так же, как личные богоявления. Оно не критика, а создание заново. Оно отрицает любую эсхатологию и метафизику уничтожения, унылую ностальгию и напористый футуризм — в пользу пароксизма или припадка *присутствия*.

Ладан и хрусталь, кинжал и меч, жезл, мантия, ром, сигары, свечи, травы подобны засушенным сновидениям — девственный юноша, пристально глядящий в банку с чернилами — вино и анаша, мясо, янтры и жесты — ритуалы наслаждения, сад гурий и сакий — колдун карабкается по этим змеям и лестницам к моменту, полностью насыщенному собственными красками: когда горы — это горы, а деревья — деревья, когда тело становится всем временем, а тот, кого любишь, — всем пространством.

Тактика онтологического анархизма коренится в этом тайном искусстве — в его расцвете обнаруживаются цели онтологического анархизма. Хаос наказывает своих врагов и вознаграждает приверженцев... эта странная желтеющая брошюра, подписанная псевдонимом и покрытая пылью, разоблачает все... вперед же, за долей секунды из вечности.

РЕКЛАМА

То, что перед вашими глазами, — не проза. Оно может быть припилено к доске, но оно еще живо и извивается. Оно не имеет намерения соблазнить вас, если только вы не крайне молоды и не хороши собой (пришлите недавнюю фотографию).

Хахим Бей живет в зачуханной китайской гостинице, владелец которой клюет носом над газетой и убогими афишками Пекинской оперы. Вентилятор под потолком крутится, как ленивый дервиш — пот капает на страницу — кафтан поэта видел лучшие времена, с его самокрутки на коврик сыплется пепел — его монологи кажутся бессвязными и слегка зловещими — за окном с задернутыми шторами дворик, который переходит в пальмы, наивную голубизну океана, философию тропикализма.

На шоссе где-то к востоку от Балтимора вы проезжаете мимо фургона, а рядом на газоне большой плакат с надписью «Духовное чтение» и изображение грубой черной ладони на красном фоне. Внутри вы замечаете целую выставку слоников, книг о магии чисел, брошюр о Вуду и сантерии, пыльные старые нудистские журналы, стопку «Жизни мальчишки», трактаты о петушиных боях... и эту книжку, «Хаос». Будто слова, произнесенные во сне, эфемерные, исчезающие, превращающиеся в ароматы, птиц, краски, забытую музыку.

Эта книга как бы отдалена от всего непроницаемостью своей поверхности, почти как стекло. Она не виляет хвостом и не рычит, но кусается и опрокидывает мебель. На ней нет номера ISBN, она не вербует вас в адепты, но может похитить ваших детей.

Это книга нервная, как кофе или малярия, — она раскидывает целую сеть коротких дорожек и безопасных местечек между собой и читателем — но она так прямолинейна и буквальна, что фактически зашифровывает сама себя — укуривается до ступора.

Маска, автомифология, карта без названий и мест — неподвижная, как египетская фреска, она, однако, тянется, чтобы погладить кого-то по щеке — и вдруг оказывается на улице, во плоти, воплощенной в свете, идущей, бодрствующей, почти довольной.

Примечания

[1] свет и наслаждение (лат.); здесь и далее — прим. перев.

[2] безумная любовь (фр.) Термин несет идеологическую нагрузку, поскольку отсылает к французским романтикам и особенно к французским «проклятым поэтам» (в частности к Бодлеру): *amour fou* противопоставляется скучному, банальному, мелочному, по-лавочнически расчетливому образу жизни обывателя (буржуа).

[3] Примеры взяты из жизни: доллары со смотровой галереи Нью-Йоркской фондовой биржи разбрасывали в 1967 году «йиппи»; уничтожением денег занимался живущий во Франции русский художник-эмигрант анархист Толстый (Владимир Котляров), а также британская арт-группа «K Foundation», отправившая в топку миллион фунтов наличными в 1994 году.

[4] Пример карнавалистской провокации Хахим-Бея: чашниками называлось умеренное крыло гуситов, а само гуситское движение возникло спустя 2 века после падения государства исмаилитов, столицей которого и был описываемый здесь Хахим-Беем Аламут. Упоминание чашников — это именно «метафизическая сплетня»: Хахим-Бей сводит воедино две плебейско-уравнительные радикальные ереси — гуситов у христиан и исмаилитов-

низаритов у мусульман, причем и те, и другие создали собственные государства с центрами в горных крепостях (Табор и Аламут).

[5] Аттар — аромат, запах. Аттаром называются мусульманские духи (от араб. итр — аромат), которые, в отличие от европейских, не имеют спиртовой основы, а составляются путем смешивания ароматических масел.

[6] Имеются ввиду «уэзермены» — члены леворадикальной подпольной террористической группировки, действовавшей в США в конце 60-х — начале 70-х гг.

[7] Хеймаркет-сквер — площадь в Чикаго, на которой по призыву редактора немецкой эмигрантской газеты «Арбайтер Цайтунг» А. Шписа состоялся митинг протеста против расстрела в Чикаго 1 и 3 мая полицией рабочих, требовавших 8-часового рабочего дня. Во время митинга в толпу была брошена бомба (судя по всему, полицейским провокатором Р. Шнабельтом), 8 человек (в т.ч. 6 полицейских) было убито, 67 ранено, а полиция устроила на площади бойню. По обвинению в «анархистском заговоре» и «терроризме» лидеры рабочего движения в Чикаго были приговорены к смерти. В память об этих событиях I (Парижский) конгресс II Интернационала постановил праздновать ежегодно 1 мая как День международной революционной солидарности трудящихся.

[8] перевод с санскрита В. А. Кочергиной.

[9] дуэльный кодекс (*ит.*) — всякий дворянин XVIII в. был обязан держать копию этого кодекса в ящике с дуэльными пистолетами, дабы не было возможности сослаться на незнание правил дуэли. Здесь — аллюзия на кредо Мавританского храма науки, цитируемое далее.

Версия #3

Зверобой создал 13 мая 2025 01:07:01

Зверобой обновил 13 мая 2025 01:10:45